

вано русской низовой массой, оно всегда опиралось на Церковь, оно концентрировало в себе и религиозную совесть народа, и его политическую организацию. Политической организацией народа, на его низах, было самоуправление, как политической же организацией народа в его целом было самодержавие.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Республиканский образ правления никак не гарантирует прав самоуправления — Франция самоуправления не имеет вовсе. Монархическая Россия имела разные формы самоуправления — от почти республиканского в Великом княжестве Финляндском до авторитарного в Хиве и Бухаре. Монархическая Германия имела чисто республиканские формы самоуправления (ганзейские «вольные города») и чисто монархические (Баварское королевство). Республиканская Польша не имела вовсе никакого самоуправления. «Республиканский» Новгород Великий был жестоко централизованным хищником. Монархическая Германия была неизмеримо богаче, сильнее, организованнее и культурнее республиканской Франции. Кроме того, монархическая Германия и монархическая Россия все время шли вверх, республиканская Франция все время шла вниз. Русское самодержавие было всегда самым верным стражем русского самоуправления, и русское самоуправление — почти всегда, кроме последних десятилетий, — было верной опорой самодержавия. Республиканские Новгород, Польша, Венеция, Франция беспощадно эксплуатировали свои «колонии», русское самодержавие было нянькой для русских «инородцев», хотя и не для всех. При наличии полутораста народностей был неизбежен индивидуальный подход к каждой из них. Почти в одно и то же время почти одинаковое самоуправление получили Польша и Финляндия. В «руках разумного народа», — как выразился по адресу финнов император Александр II, — это самоуправление создало маленькую страну, организованную лучше, чем какая бы то ни было иная страна в мире. В ру-

ках народа неразумного она создала порядки, которые немецкая поговорка определяет как «польское хозяйство» — балаганное увеселение, где вы за недорогую цену можете бить посуду. Цена «польского хозяйства» в самой Польше была значительно более высокой. Но и это — с нашей точки зрения — не оправдывает ни разделов Польши, ни попыток ее насильственной русификации: наша польская политика — со времени Екатерины II работавшая в чисто немецкую пользу — была ошибочной политикой, и без войны с Германией исправить ее было почти невозможно. Еврейская политика была неустойчивой, противоречивой и нелепой: ее основной смысл заключался в попытке затормозить капиталистическое развитие русского сельского хозяйства. Поэтому при императоре Николае I евреи пользовались полным равноправием и даже получали баронские титулы: крепостное право все равно не допускало в деревне никаких капиталистических отношений. При его отмене была сделана попытка не допустить капитализма в разорившиеся дворянские гнезда. При Николае I еврейство было лояльным по адресу империи, при последних царствованиях оно перешло на сторону революции, чтобы в этой революции потерять еще больше, чем потеряли другие народы России. Ибо Гитлер был тоже последствием русской революции.

Объективный ход хозяйственно-политического развития России снимал с очереди еврейский вопрос, но никакое «развитие», конечно, не ликвидирует и не может ликвидировать антисемитизма, как известного общественного настроения: он был при египетских фараонах и он есть при американских президентах. Но все это не касается русской монархии, которая не была ни просемитской, ни антисемитской: русская монархия рассматривала каждый национальный вопрос в зависимости от каждого индивидуального случая.

«Национальный вопрос» в России — это сумма полутора ста вопросов. Единственный разумный ответ на всю эту сумму был дан в наших «Тезисах» издания 1939 года.

1) Мы категорически отбрасываем политику насильственной русификации.

2) Каждый гражданин и каждая этническая группа имеет право говорить, печатать, учиться на любом языке, который эта группа пожелает.

3) Национальное самоуправление реализуется в рамках областного самоуправления и ведет свою работу на своем языке.

4) Русский язык, как общегосударственный язык, остается обязательным для внешней политики, армии, транспорта, почты и пр. Все местные дела ведутся на любом местном языке.

Народно-монархическое движение исходит из совершенно твердого убеждения, что ни один из населяющих Россию народов, получив полное местное самоуправление и при условиях свободного голосования, ни на какие сепаратизмы не пойдет: это — профессия очень немногих бесплатных, а еще более платных политиканов австрийской или немецкой выучки. Попытки «раздела России» наше движение считает преступлением не только против России, но и против тех народов, которым удалось бы навязать отделение от их общей родины. Удача, хотя бы и частичная, этих попыток привела бы к чудовищному регрессу и культурному, и политическому, и хозяйственному. Она, в частности, означала бы ряд войн между разными петлюрами за обладание разными уездами. Если бы все территориальные вождедения всех наших сепаратистов сложить вместе, то для всех них не хватило бы и двух Российских империй. Столкновения всех этих вождедений решались бы войнами — и хозяйственными, и огнестрельными. Империя вернулась бы к положению удельного периода — со всеми соответственными культурными, хозяйственными и политическими последствиями — вплоть до завоевания ее новыми гитлеровскими ордами.

УСТОЙЧИВОСТЬ

Для того чтобы нация могла создать что-то ценное, нужна устойчивость власти, закона, традиции и хозяйственно-социального строя. Если этой устойчивости нет, невозможно никакое творчество. Почти невозможен и никакой труд.